

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

RUSSIAN PHILOLOGY

УДК 811.161.1

DOI 10.18413/2075-4574-2018-37-3-355-368

**ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ МЕТАФОРЫ В ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Л.Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»)**

**PRAGMATIC FUNCTIONS OF METAPHORS IN THE TEXT
(BASED ON THE NOVEL BY L. N. TOLSTOY'S "ANNA KARENINA»)**

И.А. Нагорный¹, П.А. Чересюк²
I.A. Nagorny¹, P.A. Cheresyuk²

¹)Цзилиньский университет,

Китайская Народная Республика, 4026, Чанчунь, ул. Цяньцзинь, д.2699

²)Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, Белгород, ул. Победы, д. 85

¹)Jilin University,

2699 Tianjin Str., 4026, Changchun, China

²)Belgorod National Research University,
85 Pobeda Str., 308015, Belgorod, Russia

E-mail: ignago@yahoo.com, cheresyuk@bsu.edu.ru

Аннотация

Настоящая статья посвящена рассмотрению прагматического аспекта метафоры в художественном тексте. Устанавливается, что метафора представляет собой не только языковую категорию, но и продуктивный функциональный инструмент познания мира. На базе анализа языкового материала романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» выявляются и иерархируются прагматические характеристики функциональной составляющей метафоры в аспекте формирования сознания читателя. Актуализируется новый функциональный подход к описанию метафоры, сфокусированный на том, что метафора – это набор выполняемых ею прагматически обусловленных функций в художественном тексте. Нами выявлено, что прагматический потенциал функциональной метафоры заключается в способности последней оказывать усиленное речевое воздействие на адресата посредством выполняемых функций – эмоционально-оценочной, экспрессивной и функции речевого воздействия. В зависимости от установок автора художественного слова функциональная метафора может актуализировать различные дискурсивные смыслы и генерировать разную по степени интенсификации субъективную квалификацию действительности. Предпринимается попытка доказать, что функционально-прагматическая составляющая метафоры реализуется при помощи оценочно-квалификативного, экспрессивного и воздействующего факторов в языково-речевой сфере.

Abstract

The article is devoted to the pragmatic aspect of metaphor in a literary text. It is established that the metaphor is not only a language category, but also a productive functional tool for the knowledge of the world. Based on the analysis of the language material of the novel L. N. Tolstoy "Anna Karenina" identifies and hierarchizes pragmatic characteristics of the functional component of the metaphor in the aspect of the formation of the reader's consciousness. A new functional approach to the description of the metaphor is actualized, which is focused on the fact that the metaphor is a set of its pragmatic functions in the literary text. It is revealed that functional and pragmatic potential of metaphors is the ability to

provide enhanced speech influence on the addressee by means of functions - emotional-evaluative, and expressive functions of speech influence. Depending on the settings of the author of the literary word, functional metaphor can actualize various discursive meanings and generate different subjective qualification of reality. An attempt is made to prove that the functional and pragmatic component of the metaphor is realized by means of evaluative-qualifying, expressive and influencing factors in the language and speech sphere.

Ключевые слова: функциональная метафора, система функций, прагматика, речевое воздействие, оценка, квалификация, экспрессивность, адресат.

Key words: functional metaphor, system of functions, pragmatics, speech influence, evaluation, qualification, expressiveness, addressee.

Введение

Для русского языка характерно разнообразие средств и способов художественной выразительности текста. Метафора, несомненно, является одним из наиболее распространенных тропов, служит для создания яркой образности, повышенной экспрессивности речи, относится к продуктивным языковым инструментам, применяемым автором художественного слова для усиления речевого воздействия на воображение читателя. Изучение метафоры насчитывает тысячелетнюю традицию, однако обращение к исследованиям последних лет заставляет констатировать, что в рамках описания метафоры остается достаточно большое количество нерешенных проблем.

Такая противоречивая ситуация вызвана сложностью самого объекта исследования, а также возникновением ряда новых научных парадигм и перспективных направлений в исследовании метафоры, в частности функционализма и лингвистической прагматики, которые позволяют открывать новые грани для анализа метафорического феномена. Целью настоящего исследования является систематизационный анализ прагматических параметров функционирования метафоры как одного из продуктивных инструментов воздействия на адресата применительно к тексту романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Для достижения обозначенной цели был применен комплекс методов и приемов: функциональный и описательный методы, метод сплошной выборки, элементы компонентного и контекстуального анализа.

Основная часть

Понятие «метафора» (в переводе с греческого – перенесение) известно науке с античных времен. Однако вопрос определения данной языковой фигуры и по сей день является в ряде моментов спорным. Многие ученые-лингвисты (Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова, В.И. Кодухов, Е.И. Диброва и др.) справедливо считали, что метафора – это перенесение свойств одного предмета, явления или аспекта бытия на другой по принципу их сходства в каком-либо отношении [Словарь литературоведческих терминов, 2004]. Отметим в этом плане мнение А.А. Залевской, которая утверждает, что метафора это не просто перенос с одного средства понятия на другое, а «сложнейший речемыслительный процесс метафоризации, включающий в себя механизм узнавания, ориентированный на поиск знакомых исходных элементов» [Залевская, 2007, с. 77]. Поддерживая в целом мнение ученого, уточним, что под процессом метафоризации целесообразно понимать и некий синтез взаимодействующих компонентов перцептивного, когнитивного, эмоционально-оценочного и вербального опыта человека, который устанавливает глубинные связи между предикатами и оперирует уже полученными знаниями.

Таким образом, исследователи сходятся во мнении, что метафора включает в себя наличие какого-либо сходства или иной взаимосвязи между разными предметами. Однако данное «суммарное» определение не дает четкого представления о том, что именно

следует относить к метафоре. Проблема заключается в том, что указанное понятие рассматривается представителями различных лингвистических школ с позиций широкого и узкого подходов.

В широком смысле метафора – это, несомненно, перенос названия с одного предмета на другой на основании некоего сходства. Подобная дефиниция с различными дополнениями отражена в большинстве словарей (толковых, лингвистических, словарях тропов и др.). Например, в «Словаре литературоведческих терминов» С.П. Белокуровой представлено следующее определение описываемого языкового явления: «Метафора – вид тропа: переносное значение слова, основанное на уподоблении одного предмета или явления другому; скрытое сравнение, построенное на сходстве или контрасте явлений; в котором слова «как», «как будто», «словно» отсутствуют, но подразумеваются» [Белокурова, 2006, с. 218]. Таким образом, в основу метафоризации может быть положено сходство самых различных признаков предметов: цвета, формы, объема, назначения, положения в пространстве и времени и т.д. Используя метафорическое значение слов и словосочетаний, автор художественного текста увеличивает степень наглядности изображаемого и тем самым передает неповторимость описываемых предметов или явлений.

В узком понимании метафора представляет собой троп, состоящий в употреблении слова или выражения в переносном смысле на основании сходства [Словарь лингвистических терминов, 2004], «отношение предметно-логического значения и значения контекстуального, основанное на сходстве признаков двух понятий» [Гальперин, 2012: 15]: *говор волн, острый язычок, вьюга злится.*

Можно утверждать, что метафора представляет собой в узком смысле фигуру речи, заключающуюся в употреблении определенного слова или выражения в переносном значении на основании сходства и, по сути, представляющую собой усеченное до одного элемента сравнение. В широком смысле метафора – это любое употребление слова или выражения в переносном значении.

В современной лингвистической науке чаще используется узкое определение метафоры. Однако из-за наличия пограничных тропов полное отделение метафоры от других фигур речи является для настоящей статьи, на наш взгляд, малопродуктивным, а в ряде случаев невозможным. Следовательно, далее мы будем оперировать широкой трактовкой рассматриваемого термина.

Несомненным является факт, что при помощи метафоры два понятия взаимодействуют между собой внутри слова, а значение этого слова и есть результат такого взаимодействия. В процессе образования метафоры участвуют четыре компонента: две категории объектов и свойства двух категорий. В своей основе процесс метафоризации построен на отборе признаков одного класса объектов и приложением их к другому классу. Двойственность метафоры возникает из-за взаимодействия с двумя различными классами объектов. При этом метафора является важным фактором в развитии языка, являясь основой для таких процессов, как развитие эмоционально-экспрессивной лексики, создание полисемии, функционирование синонимических средств языка.

Вышесказанное позволяет актуализировать проблему функциональной насыщенности и многофункциональности метафоры. В данном аспекте логичным представляется актуализация ряда проблем: что представляет собой метафора с функциональной точки зрения, каково ее положение и функциональное назначение в предложении и художественном тексте в целом. Однако изучение научного наследия по вопросу метафорических наименований демонстрирует, что большинство лингвистов, занимаясь данным вопросом, разрешали его в некоей зависимости от исходного материала: жанра произведения; контекста, в котором употребляется образное наименование; объекта ориентировки метафоры; цели ее реализации. При анализе метафоры в первую очередь обращалось внимание на то, что она, во-первых, является маркером ряда функциональных стилей и выступает языковым средством усиления

образности художественной речи. А во-вторых, метафора, давая специфическое обозначение тому, чему еще нет названия, выступает как оригинальное по своей сути средство номинации. Это привело к тому, что в науке до сих пор отсутствует однозначное представление о том, каковы основные функции метафоры и какую функциональную роль она выполняет при создании текста.

Для установления статуса функциональной нагрузки метафоры в художественном произведении необходимо выявить, что же является ее основной функциональной характеристикой. Детализируем сказанное.

Обращение к этимологии термина «функция» (от латинского *functio*) позволяет трактовать его значение как *роль, обязанность, назначение, характер деятельности* или *исполнение обязанностей*. В современном языкознании термин «функция» определяется как способность языковой формы к выполнению того или иного назначения [Большая советская энциклопедия, 1969–1978]. Если вести речь об образных средствах русского языка, то необходимо иметь в виду, что они играют важнейшую роль для семантической структуры предложения и текста, придавая им дополнительную яркость, живость и эмоциональность. Каждая языковая единица существует исключительно потому, что она, в отличие от иной языковой единицы, служит какой-то конкретной или общей цели, таким образом выполняя определенную, присущую только данной языковой единице интенциональную функцию.

Кроме того, понятие «функция» тесно связано с прагматической областью научных изысканий: прагматический аспект по определению предполагает детальное изучение разнообразных функций языковых единиц. Поэтому именно прагматический подход представляет наибольший интерес в рамках исследования закономерностей функционирования метафор в языке и как частная реализация их в речи.

Известно, что метафора является не только ресурсом образной речи, но и источником новых значений слов. Это весьма продуктивное средство создания выразительности и образности художественного текста, значительно усиливающее зримость и наглядность изображаемого, ориентирующее изображаемое на адресата. Метафора, являясь средством выражения авторских оценок и эмоций, субъективных характеристик предметов и явлений, выполняет в тексте образные эстетические функции олицетворения, сравнения и загадки.

Метафора – это инструмент повышения точности поэтической речи и ее эмоциональной выразительности. Например, в предложении: «*И свеча, при которой она читала исполненную тревог, обманов, горя и зла книгу, вспыхнула более ярким, чем когда-нибудь, светом, осветила ей все то, что прежде было во мраке, затрепала, стала меркнуть и навсегда потухла*» (Л.Н. Толстой) – при помощи развернутой метафоры автор художественного слова не только создает яркий образ, но и оценивает влюбленность женщины и всю ее жизнь как нечто болезненное, насильственное и вместе с тем основательное. С помощью данной метафоры автор обращается к читателю, вовлекая его в роман, объясняя в сжатом виде практически все содержание своего произведения. Героиня романа в данном случае представлена в виде *свечи*, а ее жизнь наполнена *обманом, тревогами*, в радостные моменты жизни она *горела, вспыхивала ярким светом*, а в минуты горечи *меркла и навсегда потухла*.

В следующем контексте одна из главных героинь романа сравнивается с *улыбкой*, освещавшей окружающую действительность: «*Она была улыбка, озарявшая все вокруг*» (Л.Н. Толстой). Внутренний свет, добро и теплота, излучаемые Кити, восходят к положительным эмоциям, освещают всего человека, а свет, распространяемый по отношению к другим, становится носителем блага. Именно такое эмоциональное состояние возникало у Левина, когда тот смотрел на Кити. Если мы обратимся к исследованиям Дж. Лакоффа и М. Джонсона, то увидим, что улыбка равна счастью, а счастье характеризует благо для человека [Lakoff, Johnson, 2003, с. 18]. Л.Н. Толстой на протяжении всего романа упоминает о завораживающей улыбке Кити, которая так пленит

Левина: «...ее улыбка, всегда переносившая Левина в волшебный мир, где он чувствовал себя умиленным и смягченным...» (Л.Н. Толстой). Для персонажа Левина улыбка Кити в будущем становится благом, которое способно удовлетворить повседневные жизненные потребности героя, приносить пользу в их семейную жизнь и доставлять удовольствие.

В контексте: «Я знаю его! – говорит Анна о Каренине. – Я знаю, что он, как рыба в воде, плавает и наслаждается во лжи. Но нет, я не доставлю ему этого наслаждения, я разорву эту его паутину лжи» (Л.Н. Толстой) – прагматически обусловленная метафора *паутина лжи* очень точно передает явное нежелание главной героини продолжать наполненные ложью отношения с Алексеем Карениным. Несмотря на употребление риторической метафоры *паутина лжи*, которая не обладает авторской индивидуализацией и является художественным штампом, утратившей свою образность, Л.Н. Толстой сумел наделить ее эстетическим потенциалом и придать тексту эмоциональную выразительность.

Таким образом, метафора является неотъемлемой чертой индивидуально-авторского стиля Л.Н. Толстого и одним из наиболее эффективных приемов создания и передачи художественного смысла романа. В произведениях автора представлена целостная метафорическая характеристика широкой палитры эмоциональных состояний персонажей от окрыляющей радости до ощущения безысходности. Прагматически обусловленная метафора, выполняющая заданную ей функцию, является ярким и продуктивным образным средством речевого воздействия на читателя, поскольку работает как проводник, рефлектируя мировоззрение писателя на читателя-адресата. Так, автор олицетворяет *свечу*, которая живет, когда горит, и умирает, когда гаснет; сравнивает девушку с *улыбкой* в целом; использует *паутину лжи* как загадку для главной героини и читателя, которую необходимо разгадать.

Метафора в романе Л.Н. Толстого всегда прагматически сориентирована. Лингвистическая прагматика, будучи областью языкознания, изучающей особенности функционирования языковых знаков в речи в аспекте отношений, сфокусирована на дихотомии «знак – пользователь знака» [Кенжебалина, 2012, с. 15]. Данная дихотомия ожидаемо отражается на метафорическом уровне художественного текста как образная рефлексия метафоры адресату. Авторская метафора Л.Н. Толстого – это всегда точка зрения, субъективно окрашенный взгляд на что-то. В центре данной формулы оказываются различные языковые ситуации, участником которых является человек, объект речемышления, персонаж художественного произведения.

В рамках прагматического подхода, целью которого являются отношения между внешними обстоятельствами и внутренними мотивами говорящего [Chomsky, 1957], при исследовании функциональной метафоры основное внимание необходимо уделить анализу особенностей влияния личностных качеств адресата сообщения на выбор автором художественного слова конкретных языковых средств с учетом контекстуально-ситуативных параметров с целью достижения желаемого результата речевого воздействия на адресата в процессе коммуникации [Wilson, Sperber, 2004].

В этом плане при метафоризации сообщаемого автором определяется функциональная нагрузка метафоры, имплицитно отражающая в метафорическом пространстве текста аспекты культурной принадлежности, возраста, социального статуса адресата, учет параметров пола и т.п. Например: «Потом, когда он узнал случайно от няни, что мать его не умерла, и отец с Лидией Ивановной объяснили ему, что она умерла для него, потому что она нехорошая (чему он уже никак не мог верить, потому что любил ее), он точно так же отыскивал и ждал ее» (Л.Н. Толстой). В приведенном отрывке Алексей Каренин (отец) и Лидия Ивановна (няня) пытаются объяснить маленькому Сереже, что его мама умерла. В силу своего возраста мальчик «не верил в смерть вообще и в особенности в ее смерть» (Л.Н. Толстой), поэтому близкие люди преподнесли смерть его матери в переносном значении – в духовном, а не в физическом.

В контексте: *«Не встает, потому что коротконожка. — Папа, не может быть! — вскрикнула Кити. — Дурные языки так говорят, мой дружок»* (Л.Н. Толстой) – метафора *дружок* подразумевает равного собеседника. Александр Щербацкий и Кити принадлежат к одной культуре, имеют родственные связи, но разный возраст, поэтому метафора употребляется в уменьшительно-ласкательной форме.

В предложении: *«Улыбаясь и выставляя свои фальшивые зубы, она (француженка) встретила его (Левина), как старого друга»* (Л.Н. Толстой) – метафора *старый друг* использована автором романа в переносном значении: Левину на момент общения с француженкой 32 года и с ней они не друзья, наоборот, за общением двух людей скрывается ненависть. Писатель функционально ориентирует на читателя данную метафору, подразумевая, что француженка желает выглядеть дружелюбной по отношению к Левину, поэтому и встречает его как давнего знакомого. Прагматические установки при использовании метафоры не учитывались: у собеседников разные культурные принадлежности, возраст, разный пол, однако автор романа это понимает и играет с метафорой и с сознанием читателя.

Как отмечает В.Н. Телия, в процессе метафоризации для субъекта речи важна не только номинативная или образная, но и прагматическая направленность. «В случае метафоризации имеет место достижение какой-либо речевой задачи, которая имплицитно три целеполагающих по своему характеру компонента: мотив, цель и тактику, вместе подготавливающих иллокутивный эффект высказывания, содержащего метафору» [Телия, 1988: 186]. Перечисленные исследователем компоненты отражают функциональные параметры метафоры, проявляются в высказывании повествователя, поэтому успех речи зависит в том числе от умения учитывать их при планировании содержания и формы самого метафоризованного высказывания. Это оказывается характерным для творчества Л.Н. Толстого как, например, присутствие обезличенного повествователя и отсутствие напрямую выраженных прагматических установок. В романе «Анна Каренина» автор гораздо меньше говорит от себя, здесь уже нет знаменитых философских и исторических отступлений писателя. Мотивы, цели и речевые тактики повествователя продуктивно реализуются в высказываниях при помощи метафор, что можно проследить через специфику метафорического описания героев, их мыслей и поступков по отношению к другим персонажам:

В контексте: *«Варенька ...ей недоставало того, чего слишком много было в Китти, – сдержанного огня жизни и сознания своей привлекательности»* (Л.Н. Толстой) – автор использует метафору *сдержанный огонь жизни*, чтобы в сравнении показать Кити и Вареньку. Данная метафора явно ориентирует на то, что последней не хватает «огня жизни», и это отражается не только в отношении с мужчинами, но и в социальных отношениях в целом. Указанная метафора не только резко противопоставляет двух девушек перед читателем, но и сближает их на протяжении всего романа. Через метафорическое описание Вареньки перед адресатом предстает и новая Кити, для которой открывается духовная жизнь: она чувствует в себе желание помогать страждущим и убогим, *сдерживая в себе огонь*. Варенька для Кити становится побудительной причиной, поводом к новым действиям.

В другом контексте, описывая Анну Каренину, Л.Н. Толстой через призму ее внешнего облика метафорически пытается отразить и ее внутренний мир, подчеркивая жестокость и разрушительную силу ее красоты: *«Она была прелестна в своем простом черном платье, прелестны были ее полные руки с браслетами, прелестна твердая шея с ниткой жемчуга, прелестны вьющиеся волосы расстроившейся прически, прелестны грациозные легкие движения маленьких ног и рук, прелестно это красивое лицо в своем оживлении; но было что-то ужасное и жестокое в ее прелести»* (Л.Н. Толстой). Для этого автор использует лексический повтор словоформы *прелесть* и заканчивает предложение метафорой *ужасные и жестокие прелести*. Такое прагматически сориентированное на читателя метафоризованное описание героини остается в сознания

читателя как двойственное, что в последующем будет последовательно раскрываться и в двойственных поступках Анны (жить с Вронским, но на расстоянии сильно любить сына, быть измученной совестью, но продолжать совершать аморальные поступки и др.). При этом автор романа не говорит от себя, но описывает Анну так, как видят ее окружающие. Метафора как функционально насыщенный художественный прием становится здесь основой того, что персонаж Анна Каренина и притягивает к себе, и отталкивает читателя.

В контексте: *«Левин же только оттого не выпил водки, что ему оскорбительна была эта французженка, вся составленная, казалось, из чужих волос...»* (Л.Н. Толстой) – метафора *французженка* несет в себе отрицательную коннотацию. Экспрессивное наполнение данной метафоры достигается ее развертыванием: *«...раскрашенная, в ленточках, кружевах и завитушках французженка»* (Л.Н. Толстой). В данном случае до читателя доносится метафоризованная мысль, что это не молодая и нежная девушка, живущая во Франции, а взрослая женщина, которая ведет себя наигранно и выглядит искусственно, как *чужие волосы*. Функционально метафора в романе использована так, что читатель соотносит ее только с мыслями Левина, но не с автором романа: *«Он, как от грязного места, поспешно отошел от нее. Вся душа его была переполнена воспоминанием о Кити, и в глазах его светилась улыбка торжества и счастья»* (Л.Н. Толстой). Такая скрытая установка автора лишь подтверждает факт, что метафора может функционировать и воздействовать на реципиента не только по схеме «автор-читатель», но и по схеме «персонаж-читатель», являясь в этом случае ярким языковым инструментом экспрессивизации текста при описании не только главных, но и второстепенных персонажей.

В целом с помощью функциональной метафоры автор весьма продуктивно и образно раскрывает перед читателем характеры героев (*« – Да, как орудие, я могу годиться на что-нибудь. Но, как человек, я – развалина, – с расстановкой проговорил он»* (Л.Н. Толстой)), в сжатом и емком виде описывать их душевные состояния (*«Он испытывал чувство человека, выдернувшего долго болевший зуб, ...и что он опять может жить, думать и интересоваться не одним своим зубом. Это чувство испытал Алексей Александрович»* (Л.Н. Толстой)), выражать различные квалификативные мнения и оценки (*«...она вошла в спальню, но на лице ее не только не было того оживления, ...теперь огонь казался потушенным в ней или где-то далеко припрятанным»* (Л.Н. Толстой)).

Отметим, что исследователи прагматических функций метафоры, как правило, ограничиваются описанием трех из них – информативной, эстетической и характеризующей. Таким образом, без должного внимания остается ряд не менее важных метафорических функций, а проблема систематизации и упорядочивания прагматических функций метафоры в художественном тексте требует дополнительной актуализации. В этом плане представляется целесообразным акцентировать внимание на тех функциях метафоры в авторском тексте, которые являются базовыми при выявлении его метафорико-прагматического потенциала. К таким функциям, на наш взгляд, необходимо отнести эмоционально-оценочную, экспрессивную и воздействующую, целью которых является, прежде всего, активное воздействие на реципиента текста, что тесно связано с вопросом прагматической обусловленности художественного текста в целом.

Рассмотрим указанные функции более детально.

1. Эмоционально-оценочная функция.

Суть данной функциональной нагрузки метафоры в тексте состоит в том, что последняя является весьма продуктивным средством воздействия на адресата речи в эмоционально-оценочном аспекте. Метафорическая номинация в художественном произведении уже сама по себе вызывает эмоционально-оценочную реакцию адресата. Развитие значений слова, усиление метафорической семантики высказывания умножает разнообразие наименований для одних и тех же реалий, денотатов, понятий, способствует углублению их характеристики, усиливает экспрессию, вносит новые оценочные моменты [Агеев, 2002].

Метафора связана с текстом целостно. Как утверждает Л.Ш. Мигранова, «в структуре целого текста она характеризуется как конструктивный элемент: метафоры могут перекликаться даже на расстоянии, образовывать некую систему, обогащая и уточняя одна другую. Метафора, функционируя в художественных текстах, реализует свои креативно-образные потенции» [Мигранова, 2008: 968].

Рассмотрим контекст, где говорящий представлен в лице Долли Облонской (Дарья Александровна), а высказывание персонажа содержит прагматически сориентированную метафору *вода*, реализованную в речи говорящего: «*Ваши слезы – вода!*» (Л.Н. Толстой). Данное высказывание ориентировано на Стиву Облонского (Степан Аркадьич) – мужа Долли. Сопоставление слез с водой подразумевает в данном случае обвинение во лжи. Здесь напрашивается аналогия – вода прозрачная, словно пустая, вода не имеет ничего: ни цвета, ни вкуса, ни запаха. То же самое можно сказать и о слезах – они пустые. Выделив указанную функциональную метафору, мы актуализируем интенции персонажа – Долли больше не хочет верить своему мужу и прогнозирует это в своем высказывании. Метафорически – через прямую речь персонажа – автор выразил злобу со стороны Долли и дал отрицательную оценку Стиве. Целью метафоризованного высказывания явилось то, что как бы себя не вел муж, это уже ничего не изменит. Даже его глаза, налитые слезами искупления, не спасут положение дел. Герои находятся в напряженной ситуации, так как в доме они не одни: «*И, может быть, девушки слышали! Ужасно тривиально, ужасно*» (Л.Н. Толстой). Метафоризируя сообщаемое, автор ставит целью добиться сочувствия от читателя семье, в которой случился разлад.

В контексте: «*Он смотрел на нее, как смотрит человек на сорванный им и завядший цветок, в котором он с трудом узнает красоту, за которую он сорвал и погубил его*» (Л.Н. Толстой) – прагматически метафоризована эмоционально-оценочная реакция Вронского. Здесь цветок – сорванный и завядший, уже не обладающий первоначальной красотой, – метафорически отражает отрицательную оценку автора, вызывая и у читателя-адресата подобную оценку.

Еще один показательный пример прагматически сориентированной функциональной метафоры в тексте романа – эпизод, где Алексей Каренин говорит о своей жене: «*...Я для этой женщины сделал все, и она затоптала все в грязь, которая ей свойственна*» (Л.Н. Толстой). Грязь в романе – образ, который замещает грех. Автор передает читателю свое негативное отношение к греху посредством данных строк. Л.Н. Толстой усиливает отрицательную оценку данной метафоры при помощи описания чувств героя: «*Он ...заговорил пронзительным, громким голосом; ...Проговорил он со слезами злобы в голосе*». Автор художественного слова погружает читателя в напряженную обстановку, где женщину считают безнравственной и бесчестной, при этом собственно метафоре предшествует глагол *затоптала*, который категорически отсылает к тому, что действие уже свершилось, и обратного пути нет. Л.Н. Толстой, являясь тонким психологом, заставляет читателя при помощи метафоры задуматься о том, почему же урожденная княжна Облонская смогла так опуститься, и почему любящий и уравновешенный Каренин смог так грубо отозваться о своей жене.

Заметим, что функциональные метафоры *цветок* и *грязь* вне контекста имеют противоположное значение, однако в обоих контекстах использованы с отрицательной оценкой.

Проанализируем и противоположный по своему метафорическому наполнению пример отношений между двумя персонажами. Так, в отношении Левина к Китти мы видим чувство *радостного сияния*: «*Левин оглянулся на нее (Китти) и был поражен тем радостным сиянием, которое было на ее лице*» (Л.Н. Толстой). Искра радости – это не только те эмоции, которые у Левина вызвал образ Китти, но и конкретная оценка героини другим персонажем, соответственно, и автором текста. В случае перенесения сходства по качеству субъекта (сияние солнца – сияние лица) имеет место создание автором при помощи метафоры положительного образа героя, который вызывает восхищение у

читателя. Метафоры *сияние* и *грязь* имеют полностью противоположное значение не только в семантическом плане, но и по отношению к женскому персонажу. Прагматический функциональный потенциал метафоры, реализующийся через ее эмоционально-оценочную функцию в художественном тексте, является мощным средством преобразования уже существующей в сознании адресата идеальной картины семьи. Метафора в данном случае формирует у читателя-адресата необходимое адресанту эмоциональное состояние – состояние негодования.

Таким образом, употребление в тексте новой метафоры само по себе вызывает у адресата определенную эмоционально-оценочную реакцию. Эмоциональная оценка метафорического значения вызывается, в первую очередь, свойствами самого предмета. Так, например, в предложении: «...Как **ребенок** безотчетно религиозна и добра, какою была, например, Кити...» (Л.Н. Толстой) – метафоризованный образ ребенка ассоциируется с добротой, мягкостью, чистотой, гармоничностью и другими положительными качествами человека. Это связано с качествами самого ребенка, его невинным видом, небольшим ростом, простодушием, вызывающими симпатию у окружающих.

Репрезентация эмоций является одной из главных задач, которую выполняет метафора в художественном тексте [Xu Yang, 2015]. Данная задача включает в себя две тесно связанные между собой функции: эмоционально-оценочную, заключающуюся в выражении эмоций и оценке персонажа (и/или автора), и прагматическую, состоящую в оказании определенного эмоционального воздействия на читателя. При этом способы выражения эмоций отличаются разнообразием и находятся в зависимости от характера используемого образа. Будучи средством усиления эмоциональности и выразительности речи, метафора функционирует в художественном тексте, являясь оригинальным средством для передачи информации и стимулом ее интерпретации. В романе Л.Н. Толстого в типичных для художественного текста метафорах эмоции отображаются не поверхностно, а скрыто, глубинно [Бабаев, 1978], заставляя читателя осмыслить их, проникнуться не только образами героев, их проблемами, а в целом всей окружающей действительностью, основанной на особом видении мира автором.

2. Воздействующая функция.

Данная функция метафоры не всегда выделяется лингвистами как самостоятельная. Связано это с тем, что метафора по определению направлена на то, чтобы воздействовать на воображение читателя, помогая ему установить определенную схему поведения, которую обозначил для себя адресант. Синтез речевого воздействия и этики имеет свою природу: этика включает в себя определенные знания, принципы, нормы, кодексы, которые в конкретных ситуациях помогают сформировать модель нравственного поведения. Чтобы сформировать такую модель необходимо воздействие, в том числе языково-речевое. Поясним сказанное.

Большинство метафоризованных контекстов в произведениях Л.Н. Толстого, несомненно, способны породить у читателя ряд мыслей, связанных с этическим началом, что напрямую соотносится с параметром речевого воздействия на адресата при помощи метафоры. Например, убийство расценивается писателем как тяжелое преступление, которое может лишить жизни не только физическое тело, но и духовное начало. При помощи повторения метафоры *убийца* автором осуществляется прагматически сориентированное воздействие на читателя: «Он же чувствовал то, что должен чувствовать **убийца**, когда видит тело, лишенное им жизни» (Л.Н. Толстой); «Но, несмотря на весь ужас **убийцы** перед телом убитого. Надо резать на куски, прятать это тело, надо пользоваться тем, что **убийца** приобрел убийством» (Л.Н. Толстой). Метафора побуждает читателя согласиться с автором относительно того, что Вронский и общество являются убийцами духовного тела Карениной («Я **погибла**, **погибла!** Хуже чем **погибла**. Я еще не **погибла**, я не могу сказать, что все кончено... Но еще не кончено... и кончится страшно» (Л.Н. Толстой)), ведь в романе главные герои поступают не по

совести и безнравственно, не считаясь с социальными устоями общества. Таким образом, указанная метафора целенаправленно отражает прагматически сориентированный мотив автора, побуждающего своих героев к действию (давление со стороны общества приводит героев к раскаянию).

Важно отметить, что Л.Н. Толстой показывает две разные сцены искупления греха. Алексей Вронский таким образом *«как будто смыл с себя стыд и унижение, которые он прежде испытывал. ...Он ... уже не чувствовал себя униженным»* (Л.Н. Толстой). Искупление Анны Карениной было радикальным: *«И ровно в ту минуту, как середина между колесами поравнялась с нею, ...упала под вагон..., опустилась на колени»* (Л.Н. Толстой). Автор на протяжении всего романа, в том числе и метафорически, дает понять героям, что необходимо жить по совести и чести. Подобные прагматические установки автора свободно прослеживаются в метафорах, которые применяются для описания чувств героев (*«А она чувствовала, что рядом с любовью, ...установился между ними злой дух какой-то борьбы, которого она не могла изгнать ни из его, еще менее, из своего сердца»* (Л.Н. Толстой)); их действий (*«Не вспоминая ни своих, ни его слов, она чувством поняла, что этот минутный разговор страшно сблизил их»* (Л.Н. Толстой)); взглядов общества на эти отношения (*«...она привезла с собою тень Алексея Вронского ...женщины с тенью обыкновенно дурно кончают»* (Л.Н. Толстой)). Автором таким образом определяется функциональная нагрузка метафор, которые имплицитно отражают, что в существующем обществе вести себя подобным образом неприемлемо.

Таким образом, приведенный анализ контекстов с метафорой *убийца* показал, что использование в тексте прагматически обусловленной метафоры имеет усиленное этическое воздействие не только на читателя, но и на самих героев. Как отмечал С.Л. Соловейчик, в мире нет такого языка, в котором слово «убийца» звучало бы одобрительно или нейтрально [Соловейчик, 1987].

Воздействующая функция раскрывается в тексте романа Л.Н. Толстого и через другие метафоры. Некоторые из мыслей героев, содержащие в себе функциональную метафору, стимулируют читателя не только переосмыслить свои жизненные принципы, но и приступить к совершению конкретных действий. Например, Анна Каренина была счастлива только в короткий период первых свиданий с Вронским. Она, разлученная с сыном, оскорбляемая обществом, с ужасом видит, что любви, ради которой принесено столько жертв, уже нет. Так, в одном из контекстов *потушить свечу* для персонажа значит изменить все, закончить то, что не имеет больше смысла: *«Отчего же не потушить свечу, когда смотреть больше не на что...»* (Л.Н. Толстой). Автор не говорит об этом прямым текстом, но косвенно предлагает закончить бессмысленные действия и начать жизнь заново.

Можно констатировать, что роман «Анна Каренина» изобилует метафорической презентацией этических норм и на примерах персонажей романа оказывает глубокое этическое влияние на адресата. Функциональная метафора приобретает при этом показательную функцию речевого воздействия как один из наиболее продуктивных языковых инструментов такого донесения авторской этической мысли до читателя. Показывая разные модели поведения, автор при помощи метафоры предлагает читателю сделать собственный выбор, принять одну из сторон, однако сам писатель свой выбор не обозначает.

В прагматическом аспекте функциональная метафора является мощным средством преобразования существующей в сознании адресата художественной картины мира, побуждения его к определенным действиям и формирования у него необходимого адресанту эмоционального состояния. Метафора в романе «Анна Каренина» имеет своей целью воздействовать не только на реципиента, но и на героев внутри текста. Употребление в произведении авторской метафоры выступает как дополнение к уже использованным рациональным аргументам, то есть автор уже не говорит прямо, как правильно нужно поступить в той или иной ситуации, а вводит в текст прагматически

обусловленную метафорическую аргументацию, которая воздействует на читателя намного эффективнее.

3. Экспрессивная функция.

Данная функция тесно связана с эмоциональной-оценочной функцией метафоры ввиду того, что категории эмотивности и экспрессивности во многих аспектах пересекаются.

Достаточно четкое разграничение эмоционального и экспрессивного в языке было проведено Е.М. Галкиной-Федорук, которая отмечала, что экспрессия возможна и без эмоции: «...выражение эмоции в языке всегда экспрессивно, но экспрессия в языке не всегда эмоциональна» [Галкина-Федорук, 1958: 107]. Отсюда следует, что понятие экспрессивного шире понятия эмоционального. Данная точка зрения получила широкое распространение в современных лингвистических исследованиях.

Экспрессивная функция метафоры может проявляться там, где отсутствуют языковые средства выражения оценки и эмоций, либо они нечетко эксплицированы. Однако воздействие на читателя такие контексты несомненно производят, зачастую вызывая определенный душевный эффект, к которому стремился автор: «*Тем хуже для тебя*», – говорил он мысленно, как человек, который бы тщетно попытался потушить пожар, рассердился бы на свои тщетные усилия и сказал бы: *Так на же тебе! так сгорюшь за это!*» (Л.Н. Толстой). Адресатом и, соответственно, получателем сообщения здесь является персонаж Анна Каренина. Высказывание содержит метафору *огонь*. Герой мысленно обращается к своей жене и в его мыслях чувствуется досада, так как жена не захотела объясняться перед мужем и отклонила ночной разговор от себя. Каренин, чувствуя, что что-то от него скрывают, веют смуту и не дают разъяснений, желает гореть. Если говорить о собственно речевой ситуации общения, то герой остается один на один со своими мыслями, представляет перед собой Анну и думает, как бы он сказал, будь она рядом. Общение, таким образом, происходит и с самим собой, и с воображаемым рядом человеком. Цель сообщения появляется и реализуется тогда, когда есть адресат, на которого и направлено высказывание. В данной ситуации метафоризованное речевое сообщение направлено от героя к самому себе. Возникает закономерный вопрос: для чего он это делает? Можно предположить, что он пытается таким образом получить для себя какие-либо объяснения поведения жены, ответить на возникшие вопросы и прояснить сложившуюся ситуацию.

В аспекте реализации прагматической функции метафоры суть важным оказывается то, что метафора *огонь* способна актуализировать комплекс дополнительных смыслов, встраивая их в сознание читателя [Esager, 2011]. Для художественного текста этот аспект особенно значим. Выделяя данную метафору, мы можем интерпретировать не только высказывание в адрес Анны Карениной, но и увидеть персонажа Каренина как человека верующего в Божий суд, поскольку рассматриваемая метафора направлена на сферу привлечения иных сил, когда за недомолвки и молчание грядет наказание свыше. Метафора *огонь*, являясь сильным образным наименованием, включает в себя большое количество положительных и отрицательных коннотаций: страсть, гнев, свет, разрушение, война и т.д. В представленном выше контексте рассматриваемая метафора имеет отрицательную коннотацию, поэтому можно отметить, что Каренин человек ревнивый и злопамятный.

Л.Н. Толстой очень широко использует метафору *огонь* – ей наполнен текст рассматриваемого произведения. Данная метафора для писателя – это выражение любви, страсти, ненависти и жизни: «*Анна шла... Лицо ее блистало ярким блеском*» (Л.Н. Толстой); «...Он напоминал страшный блеск пожара среди темной ночи» (Л.Н. Толстой); «Он стоял на коленях и, положив голову на сгиб ее руки, которая жгла его огнем через кофту» (Л.Н. Толстой). Данная метафора универсальна, она может выражать разные прагматически мотивированные смыслы в тексте романа, и в этом плане по-разному воздействует на читателя.

Исходя из сказанного, можно констатировать следующее: экспрессивная функция метафоры подкреплена экспрессивными качествами самого языка, то есть особой выразительной силой языковых единиц, в частности, слов и словосочетаний с метафорическим содержанием, а ее основная задача – апелляция к воображению и эмоциям читателя. Экспрессивная функция метафоры выделяется на основании особой прагматической установки, которая реализуется в языке. Если прагматической установкой эмоционально-оценочной метафоры является намерение говорящего высказать свое отношение к происходящим в действительности событиям и повлиять на оценку их адресатом, а также сообщить последнему о собственном эмоциональном состоянии, либо вызвать определенное эмоциональное состояние у адресата, то прагматическая установка, которая достигается экспрессивным функционированием метафоры, совершенно другая. Экспрессивная функция метафоры применяется для привлечения, удержания и усиления внимания адресата через усиление общей и конкретной образности текста, внесение в дискурсивное текстовое пространство экспрессивной составляющей повествования. Кроме того, авторская метафора, выполняя прагматически обусловленную экспрессивную функцию в художественном тексте, становится более «заметной», а, следовательно, и представляет большой интерес для дальнейших научных изысканий.

Выводы

Подведем итог сказанному. На примере произведения Л.Н. Толстого «Анна Каренина» была предпринята попытка выявить прагматические функции метафоры, определяющиеся многофункциональностью языкового сознания. Установлено, что метафоры позволяют писателю проявить свободу выбора с целью образного описания действительности. Метафора в романе Л.Н. Толстого несет глубокую эмоциональную, эстетическую и этическую нагрузку, являясь частью человеческого познания как окружающего мира, так и внутреннего ментального пространства человека в плане воздействия на его эмоции и чувства, моральные и нравственные установки.

К основным функциям метафоры, раскрывающим ее прагматический потенциал, отнесены такие функции как эмоционально-оценочная, воздействующая и экспрессивная. Эмоционально-оценочная функция достаточно часто применяется для выражения явной оценки автора – либо отрицательной, либо положительной. В случае отсутствия лексем с коннотативным компонентом в значении автор использует эмотивы, слова, называющие эмоции. Такие функциональные метафоры способны ярко и репрезентативно передать оценку автора, а также вызвать определенные эмоции у читателя.

Воздействующая функция связана не только с донесением авторской точки зрения до адресата, но и с процессом воспитания читателя. Этические метафоры, присутствующие в дискурсивном пространстве, способны изменить образ мыслей реципиента художественного текста, а также подтолкнуть его к конкретным действиям, но только в том случае, если читатель конгениален автору.

Экспрессивная функция метафоры реализуется тогда, когда эмоции и оценка либо имплицированы или слабо эксплицированы. Тем не менее, прагматический потенциал данной функции достаточно обширен.

Сказанное позволяет констатировать, что метафора представляет собой сложное явление в языке, являясь не только украшением речи, но и частью познания человека. Кроме того, метафора позволяет автору художественного слова выражать неизвестное через знакомое, а чтобы понять и правильно осознать метафору, писателю нужно усилить воображение читателя. Богатый и неиссякаемый потенциал метафоры, ее разнообразная природа способны стать предметом дальнейшего изучения и систематизации метафорических функций.

Список литературы
References

1. Агеев С.В. 2002. Метафора как фактор прагматики речевого общения. Автореферат дис. ... канд. фил. наук. Спб., Изд-во университета им. А.И. Герцена, 18.
Ageyev S.V. 2002. Metafora kak faktor pragmatiki rechevogo obshcheniya [Metaphor as a factor of pragmatics of speech communication]. Avtoreferat dis. ... kand. fil. nauk. Spb., Izd-vo universiteta im. A.I. Gertsena, 18. (in Russian)
2. Бабаев Э.Г. 1978. «Анна Каренина» Л.Н. Толстого. М.: Художественная литература, 155.
Babayev E.G. 1978. «Anna Karenina» L.N. Tolstogo [Anna Karenina by L.N. Tolstoy]. M., Khudozhestvennaya literature, 155. (in Russian)
3. Белокурова С.П. 2006. Словарь литературоведческих терминов. Спб., Паритет, 314.
Belokurova S.P. 2006. Slovar literaturovedcheskikh terminov [Dictionary of literary terms]. SPb., Paritet, 314. (in Russian)
4. Галкина-Федорук Е.М. 1958. Об экспрессивности и эмоциональности в языке. В кн.: Сборник статей по языкознанию. М., Наука: 103-124.
Galkina-Fedoruk E.M. 1958. Ob ekspressivnosti i emotsionalnosti v yazyke [About expressiveness and emotionality in the language]. In: Sbornik statey po yazykoznaniiyu [Collection of articles on linguistics]. M., Nauka: 103-124. (in Russian)
5. Гальперин, И.Р. 1958. Очерки по стилистике английского языка. М., Издательство литературы на иностранных языках, 455.
Galperin I.R. 1958. Ocherki po stilistike angliyskogo yazyka [Essays on the style of English]. M., Izdatelstvo literatury na inostrannykh yazykakh, 455. (in Russian)
6. Залевская А.А. 1991. Метафора и формирование проекций текста. М., ИЯ РАН, 149.
Zalevskaya A.A. 1991. Metafora i formirovaniye proyektsiy teksta [Metaphor and the formation of text projections]. M., IYa RAN, 149. (in Russian)
7. Кенжебалина Г.Н. 2012. Лингвопрагматика. Павлодар, Кереку, 127.
Kenzhebalina G.N. 2012. Lingvopragmatika [Linguopragmatics]. Pavlodar, Kereku, 127. (in Russian)
8. Мигранова Л.Ш. 2008. Метафора как фрагмент ценностной картины мира Л.Н. Толстого (на материале романа «Анна Каренина»). В кн.: Вестник Башкирского университета. Уфа, Изд-во Башкирский гос. ун-т.: 967-971.
Migranova L.Sh. 2008. Metafora kak fragment tsennostnoy kartiny mira L.N. Tolstogo (na materiale romana «Anna Karenina»). In: Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bulletin of Bashkir University]. Ufa, Izd-vo Bashkirskiy gos. un-t.: 967-971. (in Russian)
9. Соловейчик С.Л. Педагогика для всех. URL: <https://predanie.ru/soloveychik-simon-lvovich/book/139871-pedagogika-dlya-vseh/> (Дата обращения 06 июня 2018)
Soloveychik S.L. Pedagogika dlya vsekh [Pedagogy for all]. URL: <https://predanie.ru/soloveychik-simon-lvovich/book/139871-pedagogika-dlya-vseh/> (Accessed 06 June 2018)
10. Телия В.Н. 1988. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира. В кн.: Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., Наука, 216.
Teliya V.N. 1988. Metaforizatsiya i eye rol v sozdanii yazykovoy kartiny mira [Metaphorization and its role in creating a linguistic picture of the world] In: Rol chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira [The Role of the Human Factor in Language: The Language and the Picture of the World]. M., Nauka, 216. (in Russian)
11. Толстой Л.Н. 2015. Анна Каренина. М., Эксмо, 960.
Tolstoy L.N. 2015. Anna Karenina [Anna Karenina]. M., Eksmo, 960. (in Russian)
12. Большая советская энциклопедия 1969-1978. Под ред. А.М. Прохорова. М., Современная Энциклопедия, URL: <https://www.twirpx.com/file/1710441/> (Дата обращения 29 мая 2018)
Bolshaya sovetskaya entsiklopediya [Great Soviet Encyclopedia] 1969-1978. Pod red. A.M. Prokhorova. M., Sovremennaya Entsiklopediya. URL: <https://www.twirpx.com/file/1710441/> (Accessed 29 May 2018)
13. Словарь лингвистических терминов. 2004. Под. ред. О.С. Ахмановой. М., УРСС, URL: <http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/> (Дата обращения 10 мая 2018)
Slovar lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. 2004. Pod. red. O.S. Akhmanova. M., URSS. URL: <http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/> (Accessed 10 May 2018)

14. Chomsky N. 1967. Syntactic Structures. The Hague, Mouton, URL: https://archive.org/stream/NoamChomskySyntacticStructures/Noam%20Chomsky%20Syntactic%20structures_djvu.txt (Accessed 10.04.2018) (in English)
15. Lakoff G., Johnson M. 2003. Metaphors We Live By. London, University of Chicago Press: 276. (in English)
16. Esager M. 2011. Fire and Water – a comparative analysis of conceptual metaphors in English and Danish news articles about the credit crisis 2008. Academic advisor: Birger Andersen, URL: http://pure.au.dk/portal/files/40317984/fire_and_water.pdf (Accessed 10 April 2018) (in English)
17. Wilson D., Sperber, D. 2004. Relevance Theory: In Handbook of Pragmatics / Edited by L. Horn, G. Ward. Oxford, Blackwell: 607-632. URL: http://www.academia.edu/17030960/Metaphor_and_the_Emergent_Property_Problem_A_Relevance-Theoretic_Approach (Accessed 26 April 2018) (in English)
18. Xu Yang. A 2015. Cognitive Poetic Approach to the Function of Metaphor. China, School of International Studies, Southwest University: 84-88. (Accessed 25 April 2018) (in English)